

Мандельштам Надежда
Яковлевна

30.10.99

Свидетель

30 октября — 100 лет со дня рождения
Надежды Яковлевны Мандельштам

Известия. — 1999 — 30 окт. — с. 6

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Надежда Яковлевна Мандельштам была не просто женой великого поэта Осипа Мандельштама и близким другом великого поэта Анны Ахматовой. И не только хранительницей мандельштамовского наследия, буквально спасшей его от забвения.

Она и сама была одной из ключевых фигур русской культуры XX века. Ее дар — это дар независимого свидетельства; книги воспоминаний Надежды Мандельштам при всей их чрезмерной жесткости, иногда — несправедливости никогда не грешили тем, чем грешат нынешние мемуары о ней самой. Надежда Яковлевна не стремилась измельчить своих выдающихся современников; по-пушкински говоря, была неизменно «заодно с гением».

Безжалостность ее оценок — не способ принизить героев воспоминаний, свести их до среднего уровня; это лишь про-

явление категорического императива, напоминание об истинном предназначении, до которого в обыденной жизни так нелегко дотянуть.

Но в конце концов мандельштамовские мемуары, выпущенные впервые в нью-йоркском Издательстве имени Чехова по неисправному и фактически выкраденному тексту, были до середины 70-х почти никому недоступны. И прекрасно сознавая, что в иные эпохи устное предание бывает важнее письменных свидетельств, Надежда Мандельштам вовлекала в свой круг молодых интеллектуалов 60—70-х, от о. Александра (Меня) и Вяч. Вс. Иванова до Сергея Аверинцева и Иосифа Бродского, от Михаила Поливанова и отца Сергея (Желудкова) до Евгения Пастернака и Натальи Горбаневской. Она словно прививала их к эпохе, ее породившей, не давала прерваться цепи культурного преемства; в каком-то смысле сохраняла прошлое как надежду на будущее.

«Есть женщины сырой земле родные,/ И каждый шаг их гулкое рыданье,/ Сопровождают умерших и впервые/ Приветствовать воскресших — их призванье./ И ласки требовать от них преступно,/ И расставаться с ними непосильно./ Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,/ А послезавтра — только очертанье./ Что было поступь — станет недоступно,/ Цветы бессмертны. Небо целокупно./ И то, что будет, — только обещанье».

Это было сказано не о Надежде Мандельштам. Но на самом деле — и о ней тоже.